

Вечный сюжет

I.
Опадает листва —
открываются новые дали,
словно в книге глава,
в вечной книге надежд и печалей.
Светлый летний узор
из надежды природа соткала,
а осенний ковер —
из утраченных грез покрывало.
По осенней канве
шеет природа предзимний рисунок,
в поредевшей листве
словно ветром задеваемые струны.
Черно-белый пейзаж
воцарится с мелодией выюги,
погружая в мираж
обозримые глазом округи.
Сколько б зим, сколько б лет
ты ни жил невозбранно на свете,
каждый новый рассвет —
словно первый в извечном сюжете.

II.
Недели кряжу
шум листопада
в ритме строки.
Строки смыкая,
он попадает
в стих, как в силки.
Ветра дыханье
воспоминаньем
рвется в стихи.
Рифмой окован
и окольцован
ропот стихий.
Морось унылая,
слякоть постылая
слабой строки —
это бесснежные,
но неизбежные
черновики.
Запорошило,
перебелило
набело лист,
рифмуя строки
и снег глубокий,
полозьев свист.
И чет и нечет
внезапной встречи,
и да и нет —
затеплят свечи
в ненастный вечер,
оставят след.

III.
В моем окне — предзимний сад,
лишь куст один не внемлет,
что на исходе листопад
и листьев радужный наряд
от ветра пал на землю.
Он скроен на другой аршин:
в листве все краски спектра.
И, жизнестойкий чужанин
среди собратьев, он один
не сломлен волей ветра.
С ветвями ствол надежно слит
и держит оборону.
Как жизнестойкий монолит,
ненастью противостоит,
от бурь заговоренный.
Да, не по времени горит
его густая крона.
В огне сгореть ей предстоит,
но прежде мужество вниши
судьбою опаленным.

IV.
Наполняет тревогою сон
хрупкий миг между ночью и утром,
ждешь беды ожиданием смутным,
ей противиться воли лишен.
Повседневная жизнь наяву
проступает сквозь сон понемногу,
и растает при свете тревога,
а надежды опять оживут.
Только смерть нас надежды лишит.
И, охвачен тревогой минутной,
утра ждешь ожиданием смутным.

Ямбы осени

I.
В осеннем небе облака
плывут торосами,
и зазвучала вдруг строка,
как ямбы осени.
Услышишь в ветре поутру,
что бьется в простыни,
как гулко рвутся на юру
все ямбы осени.
На увядающих полях
вкрапляются озимы —
тревожит пятнами земля,
как ямбы осени.
Зима приходит в тишине
утрами в проседи,
и отзываются во мне
вновь ямбы осени.
В осеннем небе облака,
как будто в проседи,
и вновь пульсирует строка,
как ритмы осени.
II.
В осинах догорает солнце осени,
и, пламенем объятая листва,

не проснуться однажды страшит.
V.
Хоть на день, хоть на час, хоть на миг
облегчи мою боль,
неизбывную горечь уйми
и забьется позоволь.
Памятливей, чем память ума,
память прожитых чувств.
Оттого разум словно впотьмах,
нескончаема грусть.
Оттого — то забьется дано
лишь на час, лишь на миг,
что в проеме меж явью и сном,
как живой, ты возник.
VI.
Осень последних лишается сил,
скоро пойдет на правож
к лютой зиме. Только вновь зарядил
дождь, дождь, дождь...
Плачет, зиме уступая черед, —
нудный осенний скулеж.
Сердце сжимает и душу гнетет
дождь, дождь, дождь...
На межсезонье в душе разнотой,
праздник осенний поблек.
Душу утешь и глаза успокой.
снег, снег, снег...
Мука бесснежная сводит с ума,
и неутоен ночлег.
Как избавленья, приносит зима
снег, снег, снег...

VII.
Освободиться от забот,
от повседневных нудных тягот,
от изнуряющих невзгод
с их горечью незрелых ягод.
От утомительных тревог
и нас не красящих страданий,
от надоевших, видит бог,
самолюбивых притязаний
необязательных друзей
с их неизбежным вероломством,
от утомительных затей,
ненужным вызванным знакомством.
От полуправды, полулжи
обременительного груза,
нас заставляющего жить
в плену губительных иллюзий.
Освободиться от проблем,
преследующих неотступно,
освободиться насовсем —
при жизни это недоступно.
VIII.

Покорно вращая колеса судьбы,
усталые кони твердят не мольбы, —
на горы взбираясь,
не раз оскользаясь,
привычно кланут верстовые столбы.
Сменяя друг друга, то солнца, то луны
глядят, как, вращаясь, колеса фортуны
одним оборотом
рождают банкротов, —
и жизнь предстает как прожитая втуне.
Еще оборот — и опять самовластно
фортуна подарит мгновение счастья.
Оно быстролетно,
как миг беззаботный, —
слепую фортуны зовут не напрасно.
Сменяют друг друга и солнца, и луны,
и кони, что тянут повозку фортуны,
и рвутся с катуги
тугие подпруги,
бьют кони устало копытом чугуном.
Подъемы и спуски и в холод, и в зной,
колеса скрипят от тоски вековой,
но так же упорно
и так же покорно
им оси крутить до доски гробовой.

IX.
Забывши сущность слов,
мы пользуемся словом,
но лучшие из слов —
подобие живого.
И, сути лишено
случайно иль намеренно,
то слово все равно,

дотла сгорит в огне, а вовсе не
истлеет, как пожухлая трава.
Не дрогнув под смертельными обидами,
за миг до смерти словно расцвели
и, одарив красю неожиданной,
подобье жизни в смерти обрели.
III.
Звучащие слова идут в стихи,
беззвучные слагаются в молитвы,
отмолятся невольные грехи,
слезами покаянными омыты.
Взволнованно дыхание стихов,
прерывисто дыхание молитвы,
когда звучат потоком скорбных слов,
могильные собой покрывши плиты.
Молитвою излечится душа,
стихи на миг даруют облегченье,
когда, одним дыханием дыша,
солются вдруг в одном стихотворенье.
IV.
То солнечно, то сеется —
капризы сентября.
То хочется надеяться,
то кажется, что зря.

как смысл его, потеряно.
Гремят, как будто встарь.
«ум», «совесть».
«честь» и «слава»,
но скомкан календарь,
и след у слов кровавый...
... Слова, слова, слова...
Одной не стоят почки,
чья сущность — жизнь давать
зеленому росточку.
X.

Птиц немолчный пересвист,
перезвон капли
наполняют нотный лист
музыкой апреля.
Растворил в воде апрель
солнечные блики,
проявляет акварель
месяц разноликий.
Ночью — тягостные сны
на сердце остудой,
днем — дыхание весны,
ожиданье чуда.
И рифмуется строка
с звонкою капелью,
с захмелевшею слегка
зимнею метелью.
Но весенним сквозняком
дальней круговерти
просветило окоем,
краски на мольберте.
Лишь художник-копиист
в неподдельном раже
все рисует жухлый лист
зимнего пейзажа.

XI.
Когда за окнами темно,
и развиднеется не скоро,
и мнится в тишине ночной,
что из-под ног ушла опора...
Когда безрадостный итог
вновь приведет к душевной смуте,
и мыслей путаных клубок
как унизительные пути...
Когда и тяжба в час ночной
между сомнением и надеждой
успокоительной слезой
не проливается, как прежде...
Ночные призраки рассвет
не зачеркнет движеньем вялым,
но все ж в окне забрезжил свет,
и надо начинать сначала.
XII.

Певице Лине Мкртчян.
Мне голос был... Смятенно предтеча,
дыханье прерывается на миг,
и кажется, прибой гул возник,
и волны устремляются навстречу.
Мне голос пел... И жаркое контральто,
наполнив зал стенаньем и мольбой,
невольню увлекает за собой,
и в горестях победно и крылато.
Самой судьбой даровано певице —
за всех влюбленных, павших и живых,
всей силой чувств, небесных и земных,
взывать и рваться, плакать и молиться.
Такая мука в голосе и позе,
в движеньях гордых рук такая страсть,
что против воли ощутишь их власть,
и высохнут непролитые слезы.
Сердца, во власти чистого искусства,
согласно бьются в такт чужой судьбе,
и сострадать ей, и о ней скорбеть
готовы, переполненные чувством.
Так пой же, пой! Еще одно мгновенье —
и хлынут чувства, как морской прибой,
и смеет нажить силой неземной,
душе даруя радость очищенья!

XIII.
Перед тобой не виновата,
за то прощенья прошу,
что к расставанью без возврата
я приобщиться не спешу.
За неизбежную невстречу
и неуступчивость судьбе,
что мне наворожила нечет —

Вопросы вековые:
потемки иль просвет?
Оракулы запечные,
подайте же совет!
Что лучше: вознамериться
и силами помериться
с очередным врагом?
Иль с гороскопом свериться,
предчувствию довериться
и преуспеть потом?
Что лучше: «да» иль «нет»?
Безмолвствует ответ.
V.
Есть привкус смерти в расставанье
на час, надолго, на года...
Запоминаешь навсегда
все, что предшествует прощанью.
Когда ж недолгое прощанье
навсегда различает нас, —
в смятенье слов, обрывках фраз
судьбы увидишь предсказанье.
Жизнь «до» и «после», как обломки
внезапно сломанной судьбы,
непоправимым словом «был»

Жизнь рисует самые немислимые узоры человеческих встреч и расставаний... Разве мог я предположить лет этак тридцать назад, что скромная молодая учительница русского языка и литературы когда-нибудь напишет такие глубокие и добрые стихи?

— Это и профессиональная работа, и отличная философия, — так отзыв поэта Александра Павлова. — Странно, что они не публиковались.

Да, сегодня дебют Аси Михайловны. Всю жизнь она прожила в Екатеринбурге и учила наших детей. У нее непростая и нелегкая судьба. Ее гордость — сын-математик, ставший молодым профессором университета в Линкольне. Поэтому под несколькими ее стихотворениями стоит подпись: Линкольн, США. И, конечно, она вправе гордиться этими своими впервые выходящими в свет циклами стихов.

Пусть ее дебют в преддверии 8 марта будет счастливым.

В. КАГАНИС.

чет напорошила тебе.
За неожиданность рассвета,
что откровению сродни,
за сердца горестные меты —
тобой непрожитые дни.
XIV.
Непредсказуема весна,
весь май менающая маски:
то неприступно холодна,
то лету строящая глазки.
Со снегом перемешку дождь —
предзимье на исходе мая,
А ты упорно лета ждешь,
на календарь не упова.
И вновь обманываться рад,
приняв за истину посулы,
когда в весенний снегопад
надеждой радуга сверкнула.
XV.
Молодая листва
опоздала родиться в апреле,
май ей жизнь даровал,
не крестил ее в снежной купели.
Родилась вопреки,
не отмечена громкою одой,
хоть и с красной строки
запись сделана в книге природы.
Расцвести и процвести —
обозначены сущему сроки,
среди многих чудес
это кажется самым жестоким.
Поредеет листва,
и откроются новые дали,
словно в книге глава,
в вечной книге надежд и печалей.

разверзлась вдруг у самой кромки...
Быть врозь — какая эта мука!
Не может вновь соединить
судеб связующая нить —
и ей не одолеть разлуку.

VI.
Нежданно осень одарила
прощально-трепетным теплом
и вмиг надежду возродила,
что не остынет отчий дом.
Пусть снова спорит с сердцем разум,
тревогу силясь передать,
что холода, нагрыв разом,
очаг заставят остывать.
Но в стужи зимние, согрето
теплом сердечного огня,
перезимует с нами лето,
от бури в сердце скоронясь.
И вновь цветенье акаций
в душе поселит благодать,
и сердце станет заблуждаться
и верить в счастье опять.